

р. 70. 27 — 28). Но Никулица не приказал, да и у посланцев не было никакого желания это делать. Но если даже Лемерль прав и восставшие действительно провозгласили Никулицу царем (как некогда Деляна), то и в этом случае не исключено, что провозгласили они его «царем болгар и влахов», а не «императором ромеев».

Напротив, маршрут похода восставших свидетельствует скорее в пользу нашего предположения (они направлялись прежде всего в Болгарию, рассчитывая встретить там такой же прием, какой наши в Болгарии и влахы в долине реки Плирис), чем в пользу вывода Лемерля о движении на Константинополь, чтобы посадить на престол нового императора. Поэтому после взятия Сервии они и оказались недалеко от Петериска, откуда с ним вел переговоры и где ожидал Никулицу катепан Болгарии Андроник Филокали. Сам Лемерль признает, что Петериск — не Петрич (Бачково) под Филиппополем и не Петрич к юго-западу от Мельника, и соглашается с локализацией Петериска В.Н.Златарским к юго-западу от озера Острово, на маленьком озере Петериск (ныне Петарско) (р. 22, п.). Но, принимая это, Лемерль вынужден заметить, что Никулица, непонятно почему, сделал «крюк» (crochet) к северу, хотя этот крюк, по мнению Лемерля, был очень невелик (insignifiant). Гипотеза о движении восставших на Константинополь столь неожиданной дорогой, которая скорее вводила в горы, в глубь Болгарии, чем к путям на восток, к Фессалонике и далее — к столице, весьма сомнительна.

Можно, кстати говоря, еще раз спросить автора разбираемой нами работы: почему Филокали был «очень испуган», как пишет Кекавмен (72. 6—9), коль скоро путь мятежников лежал в стороне от вверенной его управлению области; чего ради он «затаился» в Петериске (р. 72. 8), у границ своего катепаната, если собственно Болгарии восставшие не угрожали, двигаясь на столицу; почему, наконец, Филокали «искал убежища», как думает Лемерль (р. 22, п.), здесь, в сравнительной близости от собственно византийских городов, а не за могучими стенами своей резиденции в Болгарии — Скопле, если восстание не носило народно-освободительного характера?

Несомненно, эти действия Филокали были вызваны специальным распоряжением императора (ведь именно через Филокали Никулице было переслано письмо Константина X и его «клятвы» — р. 72. 6—7): правитель Болгарии, которая оказалась под угрозой, должен был добиться прекращения «мятежа» либо путем переговоров, либо применением силы, если бы в этом возникла необходимость.

Остановимся на нескольких более мелких замечаниях. Лемерль считает Никулицу Старого непосредственным преемником Кекавмена (деда автора) на посту стратига Лариссы в 983—986 гг. (р. 44) и говорит как о факте, что Никулица (дед) был в Лариссе и во время ее осады Самуилом, и при самом захвате города болгарами (р. 45). Однако в источнике об этом нет никаких сведений. Скорее, наоборот, некоторые данные говорят против допущения пребывания Никулицы в Лариссе в это время. Самуил, рассказывает Кекавмен, взял город, „поработив всех лариссцев, кроме рода Никулицы: ведь лишь их одних переселил, не причинив им ущерба, как свободных вместе с их имуществом, говоря [при этом]: «Весьма благодарен я порфирородному Василию за то, что он забрал свата вашего (συγγένετρόν σας) Кекавмена из Эллады и избавил меня от его хитрости»“ (р. 66.5—11). Слово «σας» (вашего) позволяет думать, что Самуил обращался к домочадцам Никулицы, а не к нему самому.

При установлении даты написания памятника следовало бы все-таки отметить, что terminus post quem (2 августа 1075 г. — упоминание о пат-